

А.А. Новиков

Факторы, определяющие внешнеполитический курс Узбекистана в отношении Исламского Эмирата Афганистан

Аннотация. В статье исследуются факторы, влияющие на формирование политики Узбекистана на афганском направлении после установления Исламского Эмирата Афганистан. Результатом работы стало выделение внутривнутриполитических, внешнеполитических, экономических и исторических факторов, определяющих внешнеполитический курс Узбекистана в отношении Афганистана на современном этапе на основе анализа исторического опыта взаимодействия независимого Узбекистана и Афганистана, современных экономических отношений двух стран, риторики официальных лиц Узбекистана и настроений узбекского общества в отношении событий в соседней стране.

Ключевые слова: Узбекистан, Афганистан, «Талибан», внешняя политика, торговля.

Автор: Новиков Арсений Антонович, студент 1 курса магистратуры факультета Международных отношений, МГИМО (У) МИД России.
ORCID: 0009-0004-5558-9323. E-mail: Novikov_Ar_An@my.mgimo.ru

Arsenii A. Novikov

Factors determining Uzbekistan's foreign policy towards the Islamic Emirate of Afghanistan

Abstract. The article attempts to identify the factors influencing the formation of Uzbekistan's policy towards Afghanistan after the establishment of the Islamic Emirate of Afghanistan. The result of the work is the identification of domestic policy, foreign policy, economic and historical factors determining Uzbekistan's course towards Afghanistan at the present time based on the analysis of the historical experience of interaction between independent Uzbekistan and Afghanistan, modern economic relations between the two countries, the rhetoric of Uzbek officials and the sentiments of Uzbek society regarding events in the neighboring country.

Keywords: Uzbekistan, Afghanistan, the Taliban, foreign policy, trade.

Author: Novikov Arsenii A., 1st year graduate student at the Faculty of International Relations, MGIMO University, Russia. ORCID: 0009-0004-5558-9323.
E-mail: Novikov_Ar_An@my.mgimo.ru

Введение

Окончательный вывод американских военных из Афганистана, последовавшее стремительное прекращение функционирования институтов Исламской Республики Афганистан (ИРА) и установление Исламского Эмирата Афганистан

(ИЭА) в августе 2021 г. стали самой большой переменной в региональной системе международных отношений с 2001 г. Судьба нового правительства на международной арене не была безальтернативной: каждая страна должна была решить, сохранять ли отношения с Исламским Эмиратом. Большинство стран региона установили отношения с новым правительством, процесс повышения статуса которых до официального продолжается до сих пор, однако общий вектор на взаимодействие остается неизменным.

Политика Узбекистана на афганском направлении с того времени отличается особой активностью. Она основана на восприятии Афганистана в качестве страны больших возможностей, а прекращение конфликта в стране в результате установления ИЭА явилось катализатором развития отношений, которые рассматриваются в духе курса реформ, проводимого с 2016 г. новым президентом. Узбекистан через активную дипломатию и вовлечение Афганистана в регион Центральной Азии стремится утвердить свое лидерство и мотивировать правительство ИЭА избрать более умеренный политический курс и сблизиться с соседями.

В данной статье предпринимается попытка объяснить причины выбора активного курса на сотрудничество с Исламским Эмиратом Афганистан. Результатом работы стало выделение внутривнутриполитических, внешнеполитических, экономических и исторических факторов, определяющих курс Узбекистана в отношении Афганистана на современном этапе.

Состояние политики на афганском направлении до установления Исламского Эмирата Афганистан в 2021 году

В начале независимой истории узбекистанской внешней политики Ташкент рассматривал Афганистан как источник угроз безопасности страны. Для реализации курса на построение светского государства первому президенту Узбекистана Исламу Каримову было необходимо нейтрализовать силы, которые стремились к реализации конкурирующего исламского проекта. Внутри страны это была партия «Адолат», в соседнем Таджикистане — Объединенная таджикская оппозиция. Лидеры «Адолат» Тахир Юлдашев и Жума Намангани бежали из Узбекистана в соседние Таджикистан и Афганистан, где в 1996 г. было создано «Исламское движение Узбекистана»¹. Этот фактор стал одним из определяющих афганскую политику Узбекистана в тот период.

В условиях гражданской войны в Афганистане, однако, Узбекистан столкнулся с необходимостью вести сложную, не всегда только публично-официальную политику. В частности, Узбекистан выстроил отношения с этническим узбекком командиром Рашидом Дустумом, который контролировал приграничные с Узбекистаном северные провинции Афганистана.

Свою речь в 1995 г. на 50-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент Каримов начал с проблемы региональной безопасности, которая неразрывно

¹ Признано в России террористической организацией и запрещено.

связана с Афганистаном, подчеркнув, что главная движущая сила конфликта — внешнее вмешательство¹. Уже в этой речи президент Узбекистана упоминает инфраструктурные проекты с «выходом для Центральной Азии к портам Индийского океана». В том же году Узбекистан выступил в ООН с инициативой введения эмбарго на поставку оружия в Афганистан.

После прихода движения «Талибан» к власти в Кабуле и на большей части территории страны, включая бывшую «столицу» сил Дустума город Мазари-Шариф, Узбекистан в 1997 г. выступил с инициативой проведения встреч формата «6+2» с целью примирения Северного альянса и «Талибана» [Эргашев, 2022]. Результатом деятельности формата стала «Ташкентская декларация об основополагающих принципах мирного разрешения конфликта в Афганистане», принятая в 1999 г.

В речи на саммите тысячелетия в сентябре 2000 г. президент Каримов сделал особый акцент на проблеме Афганистана. В отличие от речи 1995 г., среди угроз, исходящих из Афганистана, упомянута угроза формирования «клерикально-деспотических режимов» во вставших на путь демократизации странах Центральной Азии², что очевидно связано с первым установлением Исламского Эмирата в Кабуле в 1996 г. Мирный процесс между правительством и оппозицией в соседнем Таджикистане в 1997 г. также усилил тенденцию узбекской власти к авторитаризму, поскольку был воспринят правительством Каримова как опасный прецедент, продемонстрировавший, что оппозиция может утвердиться как сила, с которой придется считаться [Шодэ, 2008].

В 2002 г. президент Каримов говорил, что иного выбора, кроме предоставления США базы Ханабад у Узбекистана не было, так как последние годы страна находилась под угрозой экспорта терроризма с территории южного соседа. Результатом американской операции президент назвал «освобождение от угрозы», которая исходила от «Талибана»³.

В новых реалиях после военной операции НАТО Узбекистан в 2008 г. принял попытку реанимировать формат «6+2», включив в него НАТО, но формат «6+3» не был реализован [Эргашев, 2021].

Успешное развитие в первое десятилетие существования Исламской республики Афганистан получили торговые отношения между странами. Узбекистан вложил значительные средства в инфраструктурные проекты. Были построены 11 мостов по маршруту «Мазари-Шариф—Кабул», линии электропередач связали энергосистемы двух стран, оптоволоконная линия связи позволила запустить сотрудничество в сфере связи, железная дорога из Хайратона в Мазари-Шариф стала первым участком проекта трансафганской железной дороги, который остается в центре узбекистанского внимания по настоящее время.

---

¹ Уникальные кадры выступления Ислама Каримова на юбилейной 50-сессии ГА ООН [YouTube видео] // Karimov Foundation. 02.03.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nXnrqwCraHI> (дата обращения: 10.05.2025).

² Саммит тысячелетия ООН [YouTube видео] // Islam Karimov. 22.11.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QFWuM0k0YuA> (дата обращения: 10.05.2025).

³ Почему Каримов пустил американцев на аэродром Ханабад [YouTube видео] // Islam Karimov. 15.09.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CJn883jjRwY&t=18s> (дата обращения: 10.05.2025).

Значительные изменения в жизни Узбекистана случились после смерти президента И. Каримова в 2016 г. Характер всей внешней политики нового президента некоторые исследователи характеризуют как «экономизацию» [Махмудов, 2023, 2021], подразумевая приоритет экономики над другими вопросами. Неудивительно, что при президенте Мирзиёеве продолжился курс на развитие экономических связей с Афганистаном. Новаторской стала идея включения Афганистана в регион Центральной Азии и развитие политического диалога одновременно с отказом от использования образа исламистской угрозы [Эргашев, 2021].

Во многом секьюритизированная при И. Каримове из-за связи с исламистским терроризмом и экстремизмом тема Афганистана стала публично обсуждаться [Саруханян, 2019]. Началось формирование образа Афганистана как пространства для возможностей [Арипов, 2018]. Двигателем десекуритизации проблемы Афганистана в новый период были планы нового правительства по развитию торговли со странами Южной Азии и обретению короткого выхода к морю [Умаров, 2021], что особенно актуально для Узбекистана — одной из двух стран в мире, которая не граничит ни с одной страной, имеющей выход к морю.

При этом нельзя сказать, что ситуация в сфере безопасности в тот момент была благоприятной. «Исламское движение Узбекистана» в 2015 г. слилось с Исламским государством Ирака и Леванта (ИГИЛ)¹, была завершена операция НАТО ISAF, проводившаяся с 2001 г. В моменте эти события казались крупными вызовами и заставляли аналитиков быть более сдержанными в своих прогнозах [Саруханян, 2015].

В декабре 2017 г. впервые за 16 лет президент Афганистана посетил с официальным визитом Узбекистан. За первые полтора года президентства Ш. Мирзиёева Узбекистан посетили 20 высокопоставленных делегаций из ИРА [Арипов, 2018]. Интенсификация дипломатической активности Узбекистана на афганском направлении в первые годы президентства Ш. Мирзиёева напоминает такой же тренд в девяностые в начале периода И. Каримова. В то же время, если попытки первого президента постепенно становились менее энергичными на фоне отсутствия результатов в деле афганского урегулирования, то второму президенту, можно сказать, повезло, ведь при нем внутренний афганский конфликт, фактически, прекратился.

На дипломатическом направлении Узбекистан также предпринимал активные шаги по налаживанию внутриафганского мирного процесса. При этом были организованы публичные контакты с представителями движения «Талибан», хотя и неоднократно подчеркивалось, что все свои действия в этом направлении Ташкент согласовывает с официальным Кабулом. Активная роль предлагавшихся Узбекистаном переговорных форматов была полезна для международного имиджа страны². Примером такого формата может послужить организованная в

¹ Признано в России террористической организацией и запрещено.

² Афганистан — стратегическая возможность для экономического развития Центральной Азии // isrs.uz. URL: <https://isrs.uz/ru/page/pdf/afganistan-strategiceskaa-vozmnost-dla-ekonomi-ceskogo-razvitiya-centralnoj-azii> (дата обращения: 08.05.2025).

2018 г. международная конференция по Афганистану в Ташкенте, которая, однако, привлекла меньше внимания, чем аналогичное мероприятие в 1999 г. Участие в переговорах, в том числе представителей США и стран ЕС содействовало закреплению за страной роли регионального лидера и позволило наладить хорошие отношения со всеми сторонами афганского конфликта [Арипов, 2020]. Последнее оказалось крайне полезным результатом, когда одна из сторон одержала победу.

Признаком активизации узбекистанской политики на афганском направлении было создание летом 2017 г. института Специального представителя президента по Афганистану. Активизировались дипломатические контакты. В марте 2019 г. появилась информация о визите в Катар министра иностранных дел Узбекистана А. Камилова, где он провел прямые переговоры с главой политического офиса движения «Талибан» в Дохе муллой Абдул Гани Барадаром. Последний даже высоко оценил усилия Узбекистана, направленные на реализацию инфраструктурных проектов в Афганистане. В августе 2019 г. в МИД Узбекистана состоялась встреча с представителями катарского офиса «Талибан», делегацию талибов снова возглавлял тогда руководитель катарского офиса мулла Барадар Ахунд [Саженов, 2020], который занимает пост вице-премьера в правительстве ИЭА.

Начало развиваться гуманитарное сотрудничество: в Термезе был открыт Образовательный центр по обучению афганских граждан при Министерстве высшего и среднего специального образования, созданный для подготовки и переподготовки афганских студентов¹. В Термезе начали проходить многочисленные деловые форумы, было согласовано создание приграничной зоны свободной торговли [Притчин, 2020].

Двумя главными проблемами на пути реализации экономических проектов 2010-е гг. была потребность в финансах и отсутствие безопасности в Афганистане. Движение «Талибан» к 2018 г. уже вело боевые действия в северных и центральных провинциях страны, подрывало опоры ЛЭП [Умаров, 2018], что одновременно физически препятствовало реализации проектов и делало инвестиции в эти проекты крайне рискованными. С установлением ИЭА на всей территории страны в 2021 г. подобные акции прекратились, чем разрешилась одна из проблем.

Несмотря на сложность, развитие экономических отношений между странами представлялось основой для мирного процесса в Афганистане. Через развитие торговли планировалось достичь мира и стабильности в Афганистане². Когда внутриафганский конфликт разрешился в 2021 г., развитие экономических отношений двух стран продолжилось.

---

¹ Первые 110 афганцев стали студентами образовательного центра в Узбекистане // Gazeta.uz. 23.01.2018. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/01/23/centre/> (дата обращения: 27.04.2025).

² Экономическое сотрудничество в установлении мира в Афганистане // CERP. URL: <https://web.archive.org/web/20250122120807/https://www.cer.uz/en/post/publication/ekonomiceskoe-sotrudnicestvo-v-ustanovlenii-mira-v-afganistane> (дата обращения: 08.05.2025).

Политика в отношении Исламского Эмирата Афганистан

Реакция на установление ИЭА со стороны Узбекистана была крайне спокойной. Президент Мирзиев заявил, что подобное развитие событий было прогнозируемым, за два года до этого были налажены контакты с «Талибаном» и получены гарантии безопасности¹. С одной стороны, как было показано, Узбекистан, действительно, преуспел в налаживании контактов с движением. Однако утверждения, что произошедшее, а особенно скорость перемен, можно было предсказать, выглядят смелыми и скорее отражающими удовлетворение произошедшим, нежели его предсказуемость.

Главным акцентом речей узбекистанских представителей по афганской проблематике выступает необходимость не допустить изоляции Афганистана. В них подчеркивается, что Афганистан — часть Центральной Азии. Связанность двух стран иллюстрируется проектами трансафганской железной дороги, торговой инфраструктурой города Термез, политическими мероприятиями по афганской проблеме, прошедшими в Узбекистане.

Те же нарративы прослеживаются в выступлении Ш.Мирзиеева на международной конференции «Афганистан: безопасность и экономическое развитие» в июле 2022 г. в Ташкенте. Прослеживается там и желание укрепить международный имидж страны за счет привлечения к конференциям на территории Узбекистана как можно большего числа гостей², что было отмечено нами и при анализе дипломатических инициатив Узбекистана во второй половине 2010-х годов.

Важно обратить также внимание на то, что в выступлениях отсутствуют такие темы, как права национальных меньшинств, положение отдельных провинций. В текстах представителей Узбекистана нет и какой-либо попытки описать саму суть изменений в Афганистане. Если, например, руководство соседнего Таджикистана дает однозначную негативную трактовку насильному приходу к власти запрещенной в стране террористической организации «Талибан», то Узбекистан уклоняется от любых формулировок, не концентрируясь на смене власти и установлении нового правительства как на самостоятельной проблеме.

В духе официальных заявлений общая тональность публикаций в узбекистанских СМИ о «Талибане» в первые дни после прихода группировки к власти была отличительно более нейтральной, чем в других странах, где преобладали негативные публикации [Сафранчук И.А. и др., 2022, с. 16].

Узбекистан поддерживает инициативы, которые могут придать правительству Исламского Эмирата иное, кроме религиозного и традиционного, основание для власти [Арипов, 2024]. Представители Узбекистана проводят связь между ус-

---

¹ «Мы прогнозировали, что эти события произойдут». Президент — о ситуации в Афганистане // *Gazeta.uz*. 27.08.2021. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/27/afghanistan-new/> (дата обращения: 08.05.2025).

² Участникам международной конференции «Афганистан: безопасность и экономическое развитие» // Сайт президента РУз. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/5377> (дата обращения: 08.05.2025).

пехами нового кабульского правительства в решении социально-экономических вопросов и стабильностью в Афганистане и Центральной Азии.

Как справедливо отмечает М. Ларюэль, анализ внешней политики центральноазиатских стран на афганском направлении часто проводится через призму «эффекта перелива» [Laguette, 2017].

Исследователь имеет в виду, что политики и ученые склонны рассматривать риски и тенденции, например, исламистский терроризм или производство наркотиков, как всегда исходящие из Афганистана и стремящиеся «перекинуться» на северных соседей. Однако на динамику отношений можно посмотреть по-другому и примером тому служит политика Узбекистана на нынешнем этапе. По сути, внешняя политика администрации Ш. Мирзиёева направлена на то, чтобы добиться «эффекта перелива» в Афганистан масштабной программы экономических и социальных реформ при сохранении контроля политической сферы, которая стала центральным элементом имиджа действующего президента внутри страны под образом Нового Узбекистана.

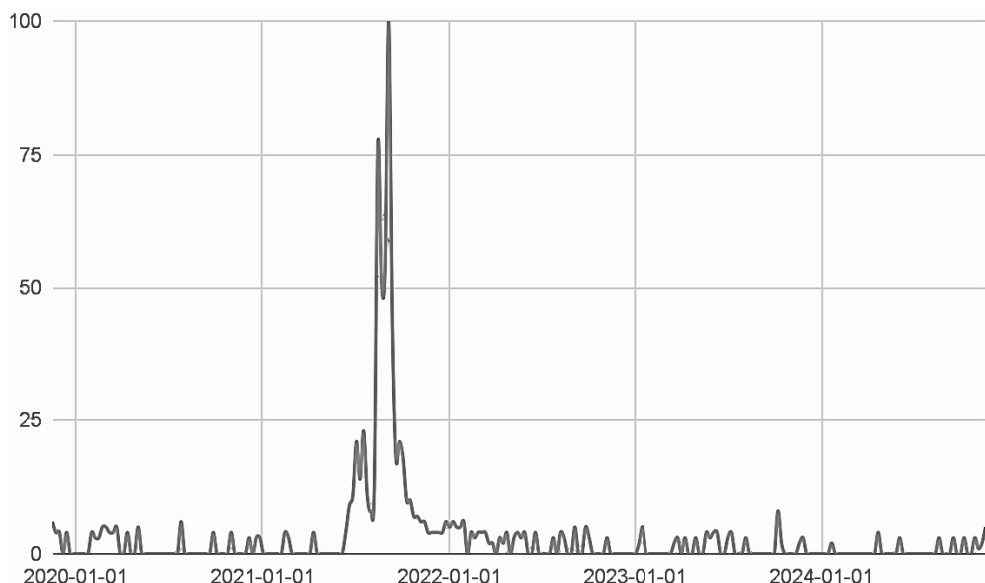
Мы выделили акценты правительства Узбекистана, а теперь обратимся к инструменту аналитики гугл-запросов, чтобы сделать вывод о взгляде общества на события в соседней стране¹. Для наглядности результатов представлено два графика: популярности запросов «Афганистан» (для Таджикистана; количество запросов на таджикском языке недостаточно для анализа)² и «Afg'oniston» (для Узбекистана).

Главное и почти единственное отличие рисунка 1 от рисунка 2 это неделя, когда жители этих стран больше всего интересовались событиями в Афганистане. В Таджикистане (рис. 1) это была неделя 05—11 сентября 2021 г., в то время как в Узбекистане (рис. 2) к этому моменту интерес почти затих, а пик был на неделе 15—21 августа 2021 г. То есть, узбекистанцы следили за моментом смены Исламской Республики на Исламский Эмират. Таджикистанцев же больше заинтересовала судьба конкретных политических и военных деятелей антиталибского сопротивления в Панджшере, пик активности которых пришелся на начало сентября. В этом сочувствии к таджикам Афганистана с таджикистанцами солидаризовалось правительство страны, на короткое время сделав помощь афганским братьям одной из главных тем своей дипломатии. Интерес общества мотивировал правительство делать определенные акценты, что в свою очередь направляло общественный интерес. В Узбекистане же мы можем сказать об отсутствии подобной Таджикистану волны сочувствия афганским узбекам — и со стороны общества, и со стороны правительства.

Правительство Узбекистана оказалось свободно от ожиданий собственного населения, связанных с судьбой узбеков Афганистана, и не стало само продви-

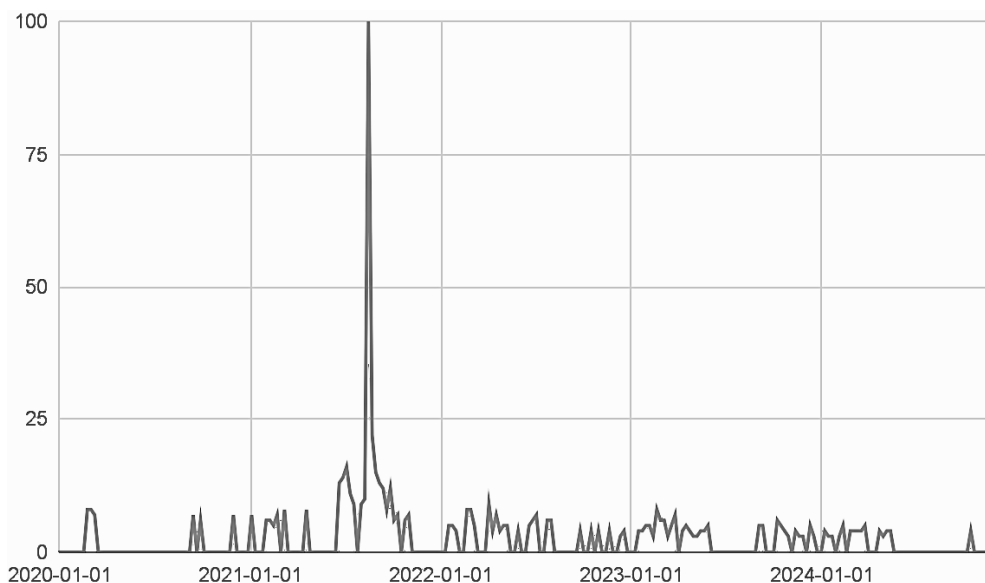
¹ Afg'oniston // Google Trends. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2020-01-01%202024-11-17&geo=UZ&q=Afg%27oniston&hl=ru> (дата обращения: 17.11.2024).

² Афганистан // Google Trends. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2021-07-01%202021-12-31&geo=TJ&q=%D0%90%D1%84%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD&hl=ru> (дата обращения: 17.11.2024).

Рис. 1. Динамика популярности гугл-запроса «Афганистан» в Таджикистане.

Источник: автор по данным сервиса Google Trends, 100 означает наибольший интерес относительно других недель в рассматриваемый период.

Рис. 2. Динамика популярности гугл-запроса «Afg'oniston» в Узбекистане.

Источник: автор по данным сервиса Google Trends, 100 означает наибольший интерес относительно других недель в рассматриваемый период.

гать соответствующие нарративы. Вместо этого оно принялось за реализацию и активизацию ряда проектов.

Уже в октябре 2021 г. состоялся визит министра иностранных дел Узбекистана Камилова в Кабул. В августе 2024 г. Афганистан посетил премьер-министр Узбекистана А. Арипов. Такая динамика свидетельствует об очень высоком уровне отношений двух стран и стремлении Узбекистана утвердить свое лидерство в афганском вопросе среди стран региона.

Главной точкой напряжения в отношениях двух стран выступает строительство Афганистаном канала Кош-Тепа. На примере этого проблемного вопроса отлично видны особенности узбекистанского курса. Хотя в узбекистанском экспертном сообществе еще в период нахождения в Афганистане американских военных и проведения политики замены посевов опиумного мака на рис и пшеницу существовало мнение, что такие изменения в сельском хозяйстве невозможны без потенциально опасного отбора воды из Амударьи, на современном этапе официальные лица Узбекистана крайне доброжелательно высказываются об афганском проекте, признают законность афганских притязаний на долю воды.

Вместо эксплуатации потенциальных угроз, связанных с водной проблемой, для чего этот проект является подходящим поводом, узбекистанская сторона выступает с инициативами технической помощи в строительстве, исходя из того, что более качественные технологии уменьшат ущерб для окружающей среды. Десекуритизация проявляется в словах министра водного хозяйства страны о канале Кош-Тепа: «Мы что, должны брать в руки оружие и идти воевать? Нет»¹.

Экономические отношения

Торговля Узбекистана с Афганистаном с 2021 г. непрерывно растет. Также самый значительный относительный рост наблюдается в афганском импорте, а при рассмотрении импорта из Афганистана в 2021 г. помесечно отчетливо прослеживается положительное влияние установления Исламского Эмирата в августе того года.

Узбекистан не только создает инфраструктуру для расширения торговли, но и демонстрирует достижения в этой сфере в качестве значимых успехов. Такие проекты как «Международный торговый центр Термез» (Airitom Free Zone) или трансафганская железная дорога с узбекистанским участием получают широкое освещение в СМИ обеих стран. Ряд афганских блогеров записали видео о торговой зоне на узбекистано-афганской границе. Развитие пограничной зоны — один из приоритетов правительства Узбекистана.

В организованной в Термезе зоне обеспечен безвизовый режим для граждан Афганистана сроком до 15 дней, введены налоговые льготы. Помимо необходимых для торговли объектов (складов, гостиниц, парковок), на территории зоны

---

¹ Министр водного хозяйства Узбекистана: Афганистан имеет право отводить воду из Амударьи для канала Кош-Тепа // Eurasia Today. 20.03.2025. URL: <https://eurasiatoday.ru/ministr-vodnogo-hozyajstva-uzbekistana-afganistan-imeet-pravo-otvodit-vodu-iz-amudari-dlya-kanala-kosh-tera/> (дата обращения: 08.05.2025).

Таблица 3. Торговля Узбекистана с Афганистаном в 2016—2024 гг.

	Экспорт, тыс. долл.	Рост экспорта, %	Импорт, тыс. долл.	Рост импорта, %
2016	517 261,3	0	2459,74	0
2017	615 606,6	19,01	2201,56	-10,50
2018	602 503,1	-2,13	2098,96	-4,66
2019	616 959,9	2,40	2981,45	42,04
2020	776 737,5	25,90	2318,85	-22,22
2021	667 484,3	-14,07	6191,90	167,02
2022	756 281,6	13,30	9345,08	50,92
2023	857 236,5	13,35	10 307,30	10,30
2024	1 089 000,3	27,04	44 000,90	326,90

Источник: автор по данным Национального комитета Республики Узбекистан по статистике¹.

Таблица 4. Импорт в Узбекистан из Афганистана в 2021 г., ежемесячно

Импорт, тыс. долл.			
Январь	40,7	Июль	1781,0
Февраль	150,0	Август	2034,6
Март	252,6	Сентябрь	2234,1
Апрель	579,1	Октябрь	2580,4
Май	920,9	Ноябрь	3490,2
Июнь	1426,3	Декабрь	6191,9

Источник: автор по данным Национального комитета Республики Узбекистан по статистике².

построена больница, создающая возможность для афганцев, имеющих средства, посетить Узбекистан, что также содействует связанности двух стран. Инфраструктура зоны свободной торговли в Термезе используется Казахстаном, который открыл там свой павильон. Интерес к проекту проявляли послы стран Китая, Германии, ОАЭ, Чехии, Катара³.

¹ Airitom Free Zone [Веб-сайт]. URL: <https://airitom.com/ru/главная/> (дата обращения: 19.10.2025).

² Объем внешнеторгового оборота (в разрезе стран, годовой) [Электронный ресурс] // Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade> (дата обращения: 08.05.2025).

³ Объем внешнеторгового оборота (в разрезе стран, по месяцам) [Электронный ресурс] // Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade> (дата обращения: 08.05.2025).

В Термез же «переехали» и международные форумы, посвященные развитию отношений между Центральной и Южной Азией. В мае 2025 г. в городе состоялось заседание Термезского диалога по взаимосвязанности Центральной и Южной Азии. В отличие от прошедшей в июле 2021 г. в Ташкенте Международной конференции «Центральная и Южная Азия: взаимосвязанность. Вызовы и возможности», обсуждения на новой термезской площадке концентрируются больше на практических вопросах.

Майское мероприятие прошло не на таком высоком уровне, как ташкентская конференция 2021 г., но это изменение отражает, в том числе, позитивные тенденции. Как уже упоминалось, фактическое завершение внутриафганского конфликта, произошедшее между двумя этими событиями, только содействовало большим планам руководства Узбекистана. Сквозная тема выступлений высоких представителей стран в июле 2021 г. — хаос в Афганистане на фоне вывода американского контингента, который ставит под угрозу все обсуждаемые планы по развитию отношений Центральной и Южной Азии, — больше не актуальна. Открылась возможность для предметного обсуждения реализации экономических инициатив, которое раньше затмевалось многосторонними обсуждениями политических проблем афганского урегулирования.

Организаторами Термезского диалога выступают МИД Республики Узбекистан, Институт стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан и Торгово-промышленная палата страны, что отражает три вектора деятельности площадки — политический, экспертный и торговый. Закреплению формата может содействовать разработанная Концепция данной диалоговой площадки¹. В документе систематизированы выделенные нами ранее мотивация к сотрудничеству, видение места Афганистана в регионе, поставлены цели и намечены пути их достижения. В конце документа подводится итог планам по развитию связей Центральной и Южной Азии, где отражается суть инициативы: «В целом, активизация сотрудничества между странами Центральной и Южной Азии по вышеуказанным направлениям создаст ситуацию «win-win», несет как экономические, так и политические дивиденды»².

Международный транспортно-логистический хаб в Термезе также позиционируется как часть инфраструктуры, необходимой для международных организаций для осуществления гуманитарной помощи Афганистану³. Его открытие в августе 2024 г. оказало заметное влияние на афганский экспорт в Узбекистан, объем которого в 2024 г. увеличился в 4 раза по сравнению с предыдущим годом.

---

¹ Концепция Термезского диалога // Институт стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан. URL: <https://isrs.uz/ru/Нашрлар/the-concept> (дата обращения: 19.10.2025).

² Там же. С. 19.

³ Выступление Министра иностранных дел Республики Узбекистан Владимира Норова на Общих дебатах 77-й сессии Генеральной ассамблеи ООН // Правительственный портал Республики Узбекистан (старый сайт). URL: <https://old.gov.uz/ru/news/view/35345> (дата обращения: 08.05.2025).

Характеризуя поиск постсоветскими странами своего места в мировой экономике после распада Советского Союза, эксперты часто говорят о том, что связанным с Россией проектам конкуренцию оказывают идеи соединения стран Центральной Азии со странами Южной Азии [Сафранчук, 2021]. Соответствующие инициативы получают, в том числе, историческое обоснование через нарратив о «восстановлении» межрегиональной взаимосвязанности¹. В Узбекистане также укрепились идеи «разворота на юг» [Сафранчук, 2015], а рост товарооборота после прихода к власти движения «Талибан» можно считать признаком устойчивости такого стратегического курса.

Развитие торговли Афганистана с Узбекистаном не вступает в противоречие с его политической линией. Выделенная динамика — результат открытой, целенаправленной политики правительства Узбекистана. Отсутствие противоречия между декларируемыми политическими целями и практическими успехами позволяет правительству Узбекистана использовать динамику отношений с Афганистаном в качестве примера своей эффективности, что является важным мотивом для продолжения деятельности по расширению узбекистано-афганских связей.

Заключение

Таким образом, установление Исламского Эмирата Афганистан не оказало влияния на внешнеполитический курс Узбекистана в отношении своего южного соседа, который состоял в расширении экономических связей и интеграции Афганистана в Центральную Азию в роли связующего звена с Южной Азией. Выбор в пользу сохранения курса способствовало несколько факторов.

Во-первых, прекращение диверсионных атак против объектов инфраструктуры, которые практиковали вооруженные сторонники ИЭА во время борьбы за власть, и общее установление безопасности и фактическое прекращение конфликта в Афганистане оказали положительное влияние на темп осуществления узбекистанской стратегии.

Во-вторых, и И. Каримов, и Ш. Мирзиеев использовали афганский конфликт для улучшения своего международного имиджа. Притом, что подходы и принципы были общими — организация многосторонних конференций и отрицание силового пути решения конфликта — второму президенту Узбекистана, фактически, повезло. История его дипломатических усилий не дошла до того момента, когда отсутствие результатов заставило бы отказаться от подобной работы — внутриафганский конфликт закончился, пусть и односторонним и силовым путем. При Ш. Мирзиееве афганская политика Узбекистана была интегри-

---

¹ Укрепление взаимосвязанности между Центральной и Южной Азией становится ключевым трендом современного политического и экономического дискурса // UZDAILY. URL: <https://www.uzdaily.uz/ru/ukreplenie-vzaimosvazannosti-mezhdu-tsentralnoi-i-iuzhnoi-aziei-stanovitsia-kliuchevym-trendom-sovremennogo-politicheskogo-i-ekonomicheskogo-diskursa/> (дата обращения: 19.10.2025).

рована в общий курс реформ внутри страны, в построение так называемого Нового Узбекистана, произошла десекуритизация афганской проблемы.

В-третьих, связи с функционерами движения «Галибан», налаженные, в том числе, в ходе осуществления Узбекистаном посреднических функций, позволили оперативно установить отношения с временным правительством и получить гарантии безопасности.

Официальный курс Узбекистана в отношении Афганистана удачно описал министр водного хозяйства страны, комментируя строительство канала Кош-Тепа: «Просто возьмите вечером плов, зайдите к соседу, и увидите, какой он хороший человек. Он тоже ответит вам добром»¹.

Библиографический список

Арипов Э.Т. Афганистан: время для диалога // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 6. С. 169—176.

Арипов Э. Межафганские переговоры не должны стать упущенным шансом на мир // Afghanistan.ru. 20.10.2020. URL: <https://afghanistan.ru/doc/140023.html> (дата обращения: 08.05.2025).

Арипов Э. Узбекско-афганские отношения: новый этап динамического развития // Международные отношения. 2018. № 1 (71). С. 19.

Махмудов Р. Афганский вектор современной внешней политики Узбекистана // Россия и мир: научный диалог. 2023;(2):80—93.

Махмудов Р. Внешняя политика современного Узбекистана // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 1 (L). С. 121—134.

Притчин С.А. Трансформация подходов Узбекистана к Афганистану после 2016 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 4. С. 781—790.

Саженов Н.Д. О деятельности Узбекистана по урегулированию афганского конфликта (2017—2019 гг.) // Уральское востоковедение. 2020. № 10. С. 14—26.

Сарухания Ю. Афганские традиции узбекской внешней политики // CABAR.asia. 01.07.2019. URL: <https://cabar.asia/ru/afganskie-traditsii-uzbekskoj-vneshnej-politiki> (дата обращения: 08.05.2025).

Сарухания Ю. Скромный актер в афганском урегулировании: стратегия Узбекистана в Афганистане. // CAAN. 21.08.2015. URL: https://www.caa-network.org/archives/4897#_ftnref3 (дата обращения: 08.05.2025).

Сафранчук И., Махмудов Р. Транспортная связанность и международные процессы в Евразии: проблемы и противоречия // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 10. С. 24—32.

Сафранчук И. Глобализация в головах // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13. № 1. С. 120—126.

Сафранчук И.А. и др. Афганистан после смены режима: внутренняя и международная неопределенность // Евразийские стратегии. М.: МГИМО, 2022. 32 с.

---

¹ Министр водного хозяйства Узбекистана: Афганистан имеет право отводить воду из Амударьи для канала Кош-Тепа // Eurasia Today. 20.03.2025. URL: <https://eurasiatoday.ru/ministr-vodnogo-hozyajstva-uzbekistana-afganistan-imeet-pravo-otvodit-vodu-iz-amudari-dlya-kanala-kosh-tera/> (дата обращения: 08.05.2025).

Умаров А. Инициативы Республики Узбекистан в афганском направлении: потенциальные возможности и риски // *Xalqaro munosabatlar*. 2018. № 1. С. 33.

Шодэ Д. Исламский терроризм в регионе Большой Центральной Азии: «аль-каидизация» узбекского джихадизма // *Russie.Nei.Visions*, № 35, декабрь 2008.

Эргашев Б.И. Внешняя политика Узбекистана в отношении Афганистана в постсоветский период: этапы, принципы, основные направления и результаты // *Русская политология — Russian Political Science*. 2021. № 3 (20). С. 34—41.

Laruelle M. Assessing Uzbekistan's and Tajikistan's Afghan Policies: The Impact of Domestic Drivers // *The Central Asia—Afghanistan relationship: From Soviet intervention to Silk Road initiative*, edited by Marlène Laruelle, Lanham, Lexington, 2017, p. 115

Umarov A. The «Afghan Factor» in Uzbekistan's Foreign Policy: Evolution and the Contemporary Situation // *Asian Affairs*, 2021, 52(3), 536—553.

References

Aripov E. Afghanistan: Time for Dialogue // *Russia in Global Politics*. 2024, V. 22, N. 6. P. 169—176. (In Russian).

Aripov E. Afghanistan: Time for Dialogue // *Russia in Global Politics*, 2024, No. 6. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/afganistan-aripov/> (accessed: 08.05.2025). (In Russian).

Aripov E. Uzbek-Afghan relations: a new stage of dynamic development // *International Relations* No. 1 (71), 2018, p. 19. (In Russian).

Chaudet D. Islamic terrorism in the Greater Central Asian region: “al-Qaedaization” of Uzbek jihadism // *Russie.Nei.Visions*, No. 35, December 2008. (In Russian).

Ergashev B.I. Foreign policy of Uzbekistan towards Afghanistan in the post—Soviet period: stages, principles, main directions and results // *Russian Political Science — Russian Political Science*, No. 3 (20), 2021, p. 34—41. (In Russian).

Makhmudov R. Foreign policy of modern Uzbekistan. *Russia and the New States of Eurasia*, 2021, No. 1 (L), pp. 121—134. (In Russian).

Makhmudov R. The Afghan vector of Uzbekistan's modern foreign policy. *Russia and the World: Scientific Dialogue*. 2023;(2):80—93. (In Russian).

Pritchins S.A. Transformation of Uzbekistan's approaches to Afghanistan after 2016 // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. 2020. Vol. 20. No. 4. pp. 781—790. (In Russian).

Safranchuk I., Makhmudov R. Transport connectivity and international processes in Eurasia: problems and contradictions // *World Economy and International Relations*. 2021. Vol. 65. No. 10. Pp. 24—32. (In Russian).

Safranchuk I. Globalization in the minds // *Russia in global politics*. 2015. Vol. 13, No. 1. pp. 120—126. (In Russian).

Safranchuk I.A. et al. Afghanistan after regime change: internal and international uncertainty // *Eurasian Strategies*. Moscow: MGIMO, 2022. 32 p.

Sarukhanyan Y. The Afghan traditions of Uzbek foreign policy // *CABAR.asia* . 01.07.2019. URL: <https://cabar.asia/ru/afganskije-traditsii-uzbekskoj-vneshnej-politiki> (accessed: 08.05.2025). (In Russian).

Sarukhanyan Yu. A modest actor in the Afghan settlement: Uzbekistan's strategy in Afghanistan // *CAAN*. 08/21/2015. URL: https://www.caa-network.org/archives/4897#_ftnref3 (accessed: 08.05.2025). (In Russian).

Sazhenov N.D. On the activities of Uzbekistan in the settlement of the Afghan conflict (2017—2019) // *Ural Oriental Studies*. 2020. No. 10. pp. 14—26. (In Russian).

Umarov A. Initiatives of the Republic of Uzbekistan in the Afghan direction: potential opportunities and risks. // *Xalqaro munosabatlar*, 2018, № 1, p. 33. (In Russian).

Laruelle M. Assessing Uzbekistan's and Tajikistan's Afghan Policies: The Impact of Domestic Drivers // *The Central Asia—Afghanistan relationship: From Soviet intervention to Silk Road initiative*, edited by Marlène Laruelle, Lanham, Lexington, 2017, p. 115.

Umarov A. The «Afghan Factor» in Uzbekistan's Foreign Policy: Evolution and the Contemporary Situation // *Asian Affairs*, 2021, 52(3), 536—553.

Поступила в редакцию: 23.11.2025

Received: Nov 23, 2025

Принята к публикации: 08.12.2025

Accepted: Dec 8, 2025